

Роман Воликов

---

*ВИА имени
Вахтанга
Кикабидзе*

Роман Воликов

ВИА имени Вахтанга Кикабидзе

«Издательские решения»

Воликов Р.

ВИА имени Вахтанга Кикабидзе / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833153-4

Это экспериментальная повесть с музыкальными вставками в текст. Кликайте на ссылки там, где это указано, и тогда повествование будет последовательным и логичным.

ISBN 978-5-44-833153-4

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

1978. Жора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ВИА имени Вахтанга Кикабидзе

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

ISBN 978-5-4483-3153-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1978. Жора

https://youtu.be/_PVjcIO4MT4

– Вот кто бы чего ни говорил, – сказал Федя, более известный народу как дядя Фёдор, – а лучше Джимми Хендрикса никого нет, и не будет. Жаль, помер бедолага. Хотя когда Жора Лэд Зеппелин орёт, впечатляет, не спорю. Мужики, двадцать третье февраля через сколько будет?

– Через неделю, – сказал Алик, не отрываясь от ответственного процесса приготовления куриных яиц в чайнике.

– Надо Жоре поздравительную телеграмму послать, он который год от армии «косит».

Мы дружно заржали. Жора Ордановский наш бог, во всяком случае, с которым мы лично знакомы. Прошлым летом всей нашей свердловской шоблой мы отправились в Вильнюс, посмотреть на ихнюю жизнь. Ехали через Питер, кирнули портвешка у Медного Всадника, тусанули у грампластинок¹, выбор на кости² был большой, но старенький, мамба, румба, ча-ча-ча, всякая сопливая хрень, совсем немного битлов и ролингов, мы же очень рассчитывали пистолсов прикупить, кисов, если повезет, Дэвида Боуи с компанией и дипёплов³.

– А поехали к Кольке-мариману, – предложил дядя Фёдор. – Не погонит же земляков.

Колька-мариман – наш верхотурский пацан, двоюродный брат дяди Фёдора, закончил в Питере макаровскую мореходку, штурманом ходит по морям-океанам. Он нашу шоблу три года назад с рок-музыкой познакомил, да так мы крепко запали на этот драйв, что с тех пор у нас всякие Антоновы и Лещенки хуже матерного ругательства. Он нам с оказией западные пластинки передает, которые за бугром покупает, мы их на мафон переписываем, кто нормальный человек, тому бобину дарим.

Колька, когда не в рейсе, жил в общежитии париходства, нам повезло, Колька вернулся с морей две недели назад, уже попил-погулял, валялся на койке в трезвости и плевал в потолок.

– Здорово, пункеры⁴! – заорал он точно боцман, а не штурман. – Молодцы, что приехали. А то я от скукидохну.

Пункерами он нас называет после того случая, когда Севка, он на драмсах колбасит⁵, «ирокез» себе сделал, два дня по Верхотурью в таком виде ходил, а потом его пэтэушники за углом центрального гастронома отметели, Севка неделю в больнице проторчал с переломанным носом.

Короче, Колька-мариман нам про Жору Ордановского первым и рассказал. Мол, есть парень наш питерский, поёт принципиально только на русском, но так отжигает, девки в трусики кончают, «Машина времени» и «Аквариум» кислые щи жуют и пресным пирожком закусывают.

Мы, признаться, инфу восприняли настороженно. Мы, конечно, ребята уважительные, к Макару и Гребню с уважением относимся, но, по нашему, гипсово у них всё, без скрима⁶. Ещё, разумеется, Сашбаш⁷ есть, его вообще ни к какой банде не отнесёшь, и не рок и не бард, сплошной нерв оголённый.

¹ «чёрный» музыкальный рынок на углу Бродского и Невского

² метод копирования грампластинок на старые рентгеновские снимки, популярный в СССР в 60—70 гг.

³ the Beatles, the Rolling Stones, Sex Pistols, Kiss, Deep Purple.

⁴ ироничное прозвище панков

⁵ играет на ударной установке

⁶ scream – высокий и очень резкий вокал, переходящий в крик и визг.

⁷ *Александр Башлачёв – русский поэт, один из самых ярких представителей советского андеграунда, трагически погиб

Дядя Фёдор целую языковую теорию вывел, русский для народных песен да романсов, интонационный ряд такой, самый раз для балалаечников вроде Утесова, мы ему верим, он студент педик, в смысле два курса в пединституте отучился, пока за драку не отчислили и в армию не загремел. Если же хочешь ёбнуть кулаком по тейблу, только английский подходит, утверждал дядя Фёдор, представь, что Дилан на болгарском запел, и сам начинал ржать своей шутке. Мы, конечно, дяде Фёдору верим, но когда на английском лабаем, самим тошно и местные кошки врассыпную разбегаются. Дядя Фёдор злится и орёт, что двоечникам надо в школе язык учить, а не папироски в туалете шмалять. Мы бы учили, только у нас за год пять училок английского сменились, выйдут на работу и сразу в декрет, эпидемия, что ли такая.

– Вы когда в Вильнюс отчаливаете? – спросил Колька-мариман.

– Завтра собирались, – сказал я.

– Завтра в восемь вечера, во деревне Саблино, тридцать три версты вдоль фарватера Финского залива, перед сельскими танцами и щупаньем доярок, группа «Россияне», где Жора Ордановский главный, даёт концерт. Поехали, пацаны, Вильнюс подождёт.

– Чего-то название лажовое, – сказал Алик.

– Название для гопников, – согласился Колька-мариман. – Зато позволяет легальные концерты рубить, не святым же духом парням питаться. В Питере с этим делом строго, это в вашей уральской глухомани как хочешь себя называй, никто не врывает. Поехали, пацаны, на концерт, не пожалее, переночуете в общежитии, сейчас комендант Никандрович на смене, он за «пузырь» батальон американского спецназа разместит, не то что пятерых уральских мужиков.

Называемся мы действительно круто – верхотурское общество дебильных отщепенцев имени Вахтанга Кикабидзе. Директор школы Тамара Леонидовна, когда перед первым выступлением на школьной дискотеке, нашу скромную афишку, от руки нарисованную, посмотрела, чуть со стула не упала.

Мы стояли в её кабинете, директрисины очки метали гром и молнии чуть выше наших голов.

– Мальчики! – укоризненно сказала она, обращаясь исключительно к Валерке. Валерка у нас «хорошист», а батя у него начальник автобазы. – Валера! Ты же приличный мальчик, твой папа такой уважаемый в городе человек. Что за название, прямо скажем, дебильное.

– Можем исправить на ВИА, – подсуетился дипломат дядя Фёдор. – Будет вокально-инструментальный ансамбль имени Вахтанга Кикабидзе.

– Так уже лучше, – вздохнула Тамара Леонидовна. – Ох, уж мне эти молодёжные поветрия. В райкоме ВЛКСМ придумают, а нам, учителям, потом отдуваться. А чем вам Кикабидзе не нравится, молодые люди, хороший артист, глаза такие пронзительные.

– Мы его тоже любим, – продолжил лизоблюдничать дядя Фёдор. – Знали бы грузинский, про аэродром бы спели.

– А какой у вас репертуар? – насторожилась директриса.

– Зарубежные песни социального протеста, – внушительно сообщил дядя Фёдор. – И ещё немного группы «Битлз».

– Эти мне нравятся, – сказала Тамара Леонидовна. – У них такая песня хорошая про девушку...

«Мишель», – подсказал Валерка.

– Да-да, – сказала директриса. – Вы её исполняете?

– Обязательно, – заверил дядя Фёдор.

Дядя Фёдор у нас самый старший. Ему двадцать три года, из пединститута попёрли за драку, отслужил срочную, работает внештатным методистом при райкоме ВЛКСМ. Он и пробил создание ансамбля, по нашему – банды, даже название сумел утвердить – про

дебильных отщепенцев, объяснил убедительно, песни поём английские, капиталистический мир загнивает, значит, там все отщепенцы, вот мы их дурными голосами и пародируем. В рай-коме посмеялись, но добро дали и аппаратуру выделили, дрова, конечно, с блинами⁸, но какая в доме культуры была, и на том спасибо.

Остальные участники общества – девятиклассники средней общеобразовательной школы №2 посёлка городского типа Верхотурье Свердловской области: Алик, он на клавишных, Севка – на барабанах и на чём придётся колотит, Валерка – бас-гитара, и я – Юрка Сырников – баян и второй солист, после дяди Фёдора, который на соло-гитаре первый перец. В отличие от дяди Фёдора, мы с нотной грамотой знакомы, нас всех родители после третьего класса в музыкальную школу сосватали, чтобы меньше по улицам шатались. Там и подружились.

В общем, уговорил нас Колька-мариман. Переночевали в пароходской общаге, днём по Питеру погуляли, а ближе к вечеру отправились на концерт.

Саблино это чёрт-те где находится. Добирались на электричке, «фугас» бормотени по дороге выпили, скромно, деньги экономить надо. Потом от станции минут сорок пёхом до сельского клуба, опоздали к началу, музыка уже гремела, дверь в зрительный зал нараспашку, герла глазастая на стульчике у входа взяла пятёрку за всех скопом, крикнула: «Опоздавшие сами себе место находят!»

Мы ребята не гордые, плюхнулись в проходе, народ вокруг весёлый, заводной, подпевает, на первом месте на сцене парень мосластый худощавый, хайрами трясёт, на гитаре такое творит.

«Этот, что ли, Жора Ордановский? – восхитился дядя Фёдор. – Качово рубит!»

https://youtu.be/OQ7mN_NBf_Y

Возвращались мы после концерта слегка пришибленные. «Да, пацаны, – выразил общее настроение дядя Фёдор. – Вот это настоящий русский рок. Нам до них как до Луны». И затараторил как на экзамене в пединституте, про самостоятельность, что Жоре никаких заимствований и перепевов не надо, что сумел он в родном языке такое изыскать, что и не подумаешь, будто ему Ордановский интервью давал, а дядя Фёдор как прилежный студент в тетрадочку записывал. Мы, может, и поржали бы, как обычно, уже немного очухавшиеся от того, что увидели, но спать очень хотелось, так и ехали в ночной электричке под болтовню дяди Фёдора и воспоминания о Жориных песнях.

Я клевал носом на жёсткой деревянной скамье и снова видел дурковатого панка в красных «трубочках» с серьгой в ухе и самым настоящим «ирокезом» на голове, который бегал по залу и поливал желающих водяными струями из фиолетового пистолета. Бас-гитариста, забросившего за спину гитару и взявшего в руки скрипку, и снова и снова Жору, с разметавшейся чёрной гривой, который начинал «Кто не с нами, тот против нас» и зал орал вместе с ним.

Я хоть неверующий и, разумеется, некрещёный, и дома у меня никаких таких разговоров не бывает, но тогда подумал, что, наверное, именно так восшествие ангела на землю и происходит. Я тогда точно решил, не буду больше на английском петь, чего позориться. Так пацанам и скажу: или свои песни сочиняем, или заканчиваем бадягу на хрен, есть теперь на кого ровняться.

<https://youtu.be/9pbHgv5EPRI>

---

⁸ музыкальные инструменты советского производства

На Витебском вокзале попали под проливной дождь. Вымокли до последней нитки, хорошо, в плацкарте дембеля ехали, домой в Литву, накатили с ними, похорошело сразу. Туалет, как обычно, в вагоне был закрыт, Валерка пошёл в соседний, купейный. Вернулся и говорит: «Пацаны! Прикол какой! В том вагоне Жора Ордановский едет».

«А чего, пойдём, познакомимся», – это я предложил.

– Он что пьёт-то? – сказал дядя Фёдор. – Бухло, наверное, заморское.

Дядя Фёдор, как мужчина хозяйственный, из дома бутылку коньяка прихватил. На всякий случай, вот случай, похоже, и подвернулся.

– Коньяк он точно пьёт, – ответили мы, не сговариваясь.

Жора курил в тамбуре.

– Здравствуйте! – сказал дядя Фёдор несколько напыщенно, как нам показалось. – Мы ваши большие поклонники.

Жора улыбнулся: «Здорово, пионеры! Поклонники это у Аллы Пугачевой. А у рокеров фаны».

– Будем знать, – сказал Севка. – Нас один хороший человек пункерами называет. В шутку, без обиды.

– Пункеры это класс, – засмеялся Ордановский. – Это лучше, чем пионеры. Откуда путь держим?

– Из Свердловской области, – сказал я.

– Я там ребят знаю, – сказал Ордановский. – И в Свердловске, и в Челябинске. Ну, что, пункеры, как вы относитесь к продуктам перегонки хлебных злаков?

– Положительно, – сказал дядя Фёдор. – У нас и с собой есть.

Он достал из кармана куртки бутылку коньяка.

– Прошу к нашему столику, – сказал Жора. – Всю ночь ехать, вот и не скучно будет.

Разговаривать с Жорой оказалось просто и непринужденно, впрочем, опыта общения с другими «звездами» у нас не было. Лёгкий он был, как его песни, и в жизни такой же лёгкий.

Посмеиваясь, сообщил, что официально числится рабочим декораций в Выставочном зале, а Гребень недавно в этом же зале работал монтером. Сказал, что подумывает перебраться в Прибалтику, неважно, куда, в Вильнюс, в Тарту, там обстановка для рокеров куда лояльнее, чем в Питере, сейшены проводятся регулярно под плешивым названием «фестивали лёгкой музыки», но тот кто понимает, тот понимает, что к чему. В Питере сложно, сказал Жора, сколько лет витает в воздухе идея создать ленинградский рок-клуб, но, похоже, так идеей она и останется. Жалко, столько толковых ребят по подворотням шатаются да, как мы, по деревенским клубам и «квартирникам»⁹.

– Зато можно делать настоящее искусство, – сказал захмелевший дядя Фёдор. – Не на потребу, не за деньги, а что хочешь, чего душа требует.

– Открытый вопрос, – сказал Жора, тема для него была явно болезненная. – Вот у западных ребят получается ведь, и петь на свой лад, и каноны буржуазные нарушать, и деньги зарабатывать немалые. Я вам так скажу, пацаны, любое бунтарство, если оно не на баррикаде, а на сцене – имеет большую долю условности. Хоть Джаггера возьми, хоть ваших драгоценных пистолсов, побуянили на концерте и в хороший отель, к красивым герлам, кирнуть стаканчик добротного виски. Другое дело, что у великих артистов не поймёшь, где он настоящий, а когда в образе, да и не надо в этом разбираться, это же музыка, а не биология. Они и сами, мне кажется, уже не очень понимают, нам каком они свете, поэтому многие с иглы и не слезают. Я бы так не хотел.

– Без денег жить трудно, – сказал Севка. – Понимаем.

---

⁹ популярная в СССР форма проведения нелегальных акустических концертов в обычных городских квартирах.

– Я ведь давно пою, – сказал Жора. – С шестьдесят девятого года. Раньше Гребня, раньше многих на рок подсел. Я и Макар – два мастодонта, только вот «машина» на профессиональную сцену прорвалась, не знаю, чего им этого стоило, но догадываюсь, что немало крови, а вот у меня пока не получается. Вот и катаюсь с парнями по фестивалям лёгкой музыки.

– Круто, – сказал Валерка. – В шестьдесят девятом мы первоклашками были.

«Почти десять лет, – подумал я. – Это же какие нервы надо иметь, чтобы в полуподпольном состоянии существовать. Действительно, позавидуешь Макаревичу».

– Я для вашего поколения, наверное, умер в «Beatles». Так оно и есть, я действительно считаю, что к ним так никто и не смог приблизиться.

– У нас, конечно, другие вкусы, – сказал дядя Фёдор. – Энергетика первична, завод, как у пистолсов и слейдов¹⁰, за музыкой лучше в «консерву»¹¹ пойти.

– Где-то я уже это слышал, – расхохотался Жора. – Ну, да, на концерте у Свина. Он примерно в этом духе и высказывался.

– А это кто? – спросили мы.

– Странный мальчик, – сказал Жора. – Зовут Андрюха Панов, кличка Свин. Из очень приличной семьи, почти диссидентской, мама балерина в Кировском театре¹², папа очень давно свалил за бугор, там известный хореограф, живёт, кажется, в Бонне. Он сыну такую аппаратуру сумел переправить, пальчики оближешь, не чета нашему самопалу под фирму, но лабаёт Свин на ней – здравствуй, ужас – и тексты такие же бредовые. Если это новая волна в рок-музыке, то я старый мудака.

– А как называется банда? – спросил я.

– «Автоматические удовлетворители». В Англии такая команда есть. Свин, ничтоже сумнящся, название передрал. Напомните, когда в Вильнюс приедем, я их бобину подарю, где-то у меня в сумке валяется. Вот что я вам скажу, пацаны, не суди, да не судим будешь, оно, конечно, верно, только ваши забугорные братья-пункеры вылезут на год на два и стухнут, иссяк моторчик заводной. А что потом, на наркоте скурвиться или коров пасти на просторах Колорадо?

– Они об этом не думают, – сказал дядя Фёдор. – Если думать начнут, сразу драйв пропадёт.

– Всё поддается тренировке, – сказал Жора. – Если, конечно, есть чего тренировать. На мой взгляд, пришёл на сцену, тебя с неё вынести должны. Но кто сказал, что вынести должны через год? Для этого артистизм и нужен, мы с парнями в двадцать пять лет начали в музыкальную школу ходить, курам на смех, можно подумать, а понимаем, нет роста без образования.

– Ты прямо как балалаечник рассуждаешь, – сказал Алик. – Точно Кобзон какой-нибудь или этот песняр дивноголосый, забыл фамилию, эту братву поганой метлой из «ящика» не выгонишь, мы помрём, а они все петь будут «Ну, что тебе сказать про Сахалин...» и «Олеся из Полесья».

Мы заржали на весь вагон к неудовольствию сонной проводницы.

– Есть в Питере классный чувак, – сказал Жора. – Федя Чистяков зовут. Я слышал на одном «квартирнике», как он советские песенки переиначивает. Ухохочешься! Но я не о продажных тварях эстрадных, они свой выбор ещё в пеленках сделали. Принцип ведь один, что для лабухов кабацких, что рокеров прифанатевших. Я об искусстве обходить рифы и при этом оставаться самим собой, вот этому надо учиться. А нравится это всяким соплюхам или нет, совсем неважно, только без обид, пацаны.

---

¹⁰ Sex Pistols, Slade.

¹¹ ироничное название консерватории

¹² советское название Мариинского театра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.